

Внѣ исторіи

„Видный мужъ мой переноситъ труды и голодъ въ иудейскихъ коридорахъ“.

Л. Толстой — „Война и Миръ“.

Эти три строки—единственное, что я нашёлъ въ «Войнѣ и мирѣ», когда я попытался найти тамъ еврея. Была великая пора, «взволнованное историческое море народовъ Европы вышло изъ своихъ береговъ». Немѣтныя толпы вооруженныхъ людей страшнымъ потокомъ пелись изъ стороны въ сторону. Погибали и создались и снова погибали и снова создались государства, разорялись города и области. Народы жили съ изумительной интенсивностью, въ какомъ-то невѣроятномъ напряженіи нервовъ и страстей... И въ великой исторической эпопее того замѣчательнаго времени, въ величавой картинѣ тѣхъ бурныхъ дней вся роль еврейскаго племени зарисована этими тремя строками, зарисована случайно, вѣроятно, незамѣтно для самого художника—но—увы,—мѣтко и исчерпывающе. Вволнованное море народовъ Европы вышло изъ своихъ береговъ, но тѣ историческія волны прошли мимо евреевъ, и только случайный офицеръ штаба замѣтилъ насъ среди другихъ... житейскихъ невзгодъ лагерной жизни.

Такъ грустно и обидно творилась наша исторія сто лѣтъ тому назадъ. Теперь, какъ и тогда, «взволнованное историческое море» народовъ Европы, вышло изъ своихъ береговъ», и въ кроваво-страшной близости надви-

нулись небывалые историческіе ураганы и штормы... Налетѣли событія и людскія движенія такого размаха и порыва, предъ которыми картины двѣнадцатаго года меркнутъ и блѣднѣютъ, какъ пламя жалкой свѣчи въ огнѣ полуденнаго солнца. Эти страшныя картины увидятъ, почувствуютъ всѣ. Должны увидѣть, должны почувствовать, ибо за эти сто лѣтъ гений человѣческаго творчества связалъ всѣхъ насъ воедино, связалъ тысячами неувидимыхъ нитей и сѣтью желѣзныхъ цѣпей. Предъ нами пройдутъ небывалые сдвиги, и въ катастрофическомъ хаосѣ народныя массы подвергнутся рѣзкимъ деформациямъ...

Всѣ народы Европы уже захвачены этимъ сдвигомъ. Всѣ выступили на арену и въ напряженномъ волнении бросаютъ на историческіе вѣсы свои массы. Бросаютъ взволнованно и съ яркой сосредоточенностью, ибо сложность современной культуры и прогрессъ послѣдняго столѣтія свершили одно великое чудо. Въ этой войнѣ гигантовъ не только гиганты играютъ историческую роль. Тезисъ родилъ антитезу. Лихорадочный ростъ милитаризма, безудержное стремленіе двухъ союзовъ обогнать другъ друга въ колоссальномъ и могучемъ вооруженіи, создалъ такое положеніе, что маленькіе незамѣтные народы, съ игрушечными арміями, а то и вовсе безъ арміи, выступили какъ *Machtfactoren*. Колоссальный районъ военныхъ дѣйствій, важное значеніе маневра и передвижений создали такую ситуацию, что въ этотъ или иной моментъ маленькое государство играетъ историческую роль, которая воистину не снилась нашимъ мудрецамъ.

На первой страницѣ современной исторіи записана Сербія, которая полвѣка тому назадъ не существовала. Болгарія четыре десятилѣтія тому назадъ освобожденная и воскресшая къ жизни, обнажаетъ свой мечъ и какъ равный среди равныхъ вмѣшивается въ борьбу тита-

новъ. Крохотная Бельгя создаетъ исторический переворотъ, который вовлечаетъ въ борьбу двѣ державы и направляетъ весь характеръ дальнейшихъ событий. Отъ внимательства Швеции зависятъ судьбы войны. Величайшія усилія державъ направлялись на привлеченіе Румыніи на сторону той или иной коалиціи. Не говоря уже о Черногоріи, на долгое время приковывавшей къ себѣ вниманіе всего міра, даже народы, не имѣющие политическаго сегодня, какъ поляки, албанцы, арабы, выдвинулись на арену, и вся европейская печать слѣдитъ за ними и считается съ ихъ стремленіями...

Самое интересное въ этомъ неожиданномъ выступленіи маленькихъ творцовъ современной исторіи, это то, что они выдвинулись какъ алгебраическое цѣлое, независимо отъ арифметическаго подсчета ихъ матеріальныхъ или моральныхъ силъ. Пусть завтра обнаружится, что въ послѣднюю перепись Швеции вкралась ошибка, увеличившая цифру населенія хоть въ десять разъ. Отъ этого роль Швеции и ея значеніе въ мировой ситуациіи не измѣнятся. И несомнѣнно, что шестимиллионная Бельгя теперь сказала столь же серьезное историческое слово, какъ и сорокамиллионная Италия, а роль поляковъ во всякомъ случаѣ замѣтнѣе роли испанцевъ...

* * *

Такъ чудесно разыгрались историческія волны, вынесша на арену всѣ народы Европы, которые съ быстротой молнии заняли предназначенныя имъ исторіюю позиціи...

И только мы—евреи—какъ всегда, оказались за бортомъ войны; не за бортомъ войны, но за бортомъ исторіи. Мы сражаемся. Мы идемъ на жертвы и при этомъ мы — реальная сила. На войнѣ сражается евреевъ больше, чѣмъ сербовъ и бельгійцевъ. Вся Данія имѣетъ солдатъ въ четыре раза меньше, чѣмъ ихъ выставили русскіе евреи.

Но все таки—такова сила неумовимыхъ законовъ прошлаго никто не попытается поставить евреевъ на такую историческую позицію, на которой стоятъ сербы или поляки. У евреевъ, какъ у національнаго цѣлага, нѣтъ исторической позиціи. Тѣ народы—можетъ быть слабѣе насъ, но они здѣсь на мѣстѣ имѣютъ опредѣленныя задачи, они сами творятъ свою исторію и потому могутъ сказать свое историческое слово. Мы не говоримъ теперь этого слова, ибо у насъ только сила отдѣльныхъ евреевъ, сотенъ тысячъ евреевъ, у насъ только арифметика...

Евреи, конечно, волнуются, лихорадочно слѣдятъ за разгоравшимися событиями. Интересы отдѣльныхъ евреевъ, вопросы ихъ жизни и смерти колеблются и дрожатъ; тотъ или иной исходъ сраженій рѣшаетъ ихъ судьбы. Но все это опредѣленный комплексъ ощущений—и серьезный, конечно, но въ немъ есть одна любопытная черта: это ощущение сражающагося или причастнаго къ войнѣ, которое переживаетъ и французъ, и полякъ. Но у поляка, французъ къ этимъ ощущениямъ прибавляется еще одинъ плюсъ, еще нѣчто, которое твердо и ясно говоритъ ему, что онъ творитъ каждую данную минуту исторію роднаго народа. У еврея нѣтъ этого нѣчто. Поэтому евреи сегодня въ большинствѣ своемъ отличаются отъ всѣхъ народовъ однимъ изумительнымъ обстоятельствомъ: у нихъ нѣтъ никакихъ аппетитовъ, они не выставляютъ и не предъявляютъ никакихъ національныхъ требованій. Можетъ быть, отдѣльные евреи, евреи, какъ граждане, надѣются, вѣрятъ во многое, но все это гражданскія исканія; о національныхъ чаяніяхъ, о какихъ-нибудь рѣшенныхъ проблемы народа говорятъ только немногочисленныя группы его.

Какъ это случилось, что въ такую минуту, когда всѣ народы заговорили языкомъ національныхъ чаяній, мы не говоримъ—главное—не знаемъ, какъ заговорить на

этомъ языкѣ. Это изумительно, это возможно только у насъ.

Одѣльные члены націи борются, страдают, горятъ въ огнѣ небывалыхъ жертвъ и напряженій, а народъ, какъ таковой,—безмолвствуетъ. Народъ безмолвствуетъ, словно онъ внѣ истории. И теперь, когда Европа внимаетъ всѣмъ, его словомъ никто не интересуется. И никого за это винить нельзя.

Какъ это ни грустно, но виноваты въ этомъ только мы, наша печальная история безземельнаго народа. На историческую арену выступили самые крохотные народы, можетъ быть, пигмеи по сравнению съ нами, но у нихъ есть одно незамѣнимое богатство: они золотыми нитями привязаны къ своей землѣ, и они поэтому—только поэтому—сами творятъ свою историю. Пока мы не соткали этихъ золотыхъ нитей, не имѣемъ родной почвы подъ ногами, нашу исторію будутъ творить другіе. Народъ, чью исторію творятъ другіе, въ эти дни остается внѣ общаго потока...

Какъ это ни грустно, но будущій историкъ этихъ дней быть можетъ насъ и не замѣтитъ. Намъ отмѣтить лишь штабъ дѣйствующей арміи.

Въ эти дни.

Въ одной изъ своихъ поэмъ С. Черниковскій рассказываетъ эпизодъ изъ недавняго прошлаго. Два брата еврея, сражающіеся одинъ въ турецкой, а другой въ греческой арміи, встрѣчаются на полѣ сраженія. Въ горячей схваткѣ убиваютъ они другъ друга и только въ предсмертныя минуты братъ узнаетъ брата.

Эта трагедія, которая въ рассказѣ поэта казалась намъ далекой и необычной, въ переживаемые нами дни стала близкой и обыденной, и происходить она на всемъ необъятномъ мировомъ полѣ сраженія.

Все чаще и обычнѣе рассказы объ евреяхъ, которые отъ убитаго ими въ сраженіи врага слышали предсмертный крикъ «Шма Исроель».

Позвидимому это уже не легенда, переносимая съ мѣста на мѣсто, но фактъ, происходившій въ различныхъ мѣстахъ.

Въ мѣстахъ, занятыхъ непріятелемъ, въ Іомъ-кинуръ въ синагогу приходили молиться германскіе солдаты-евреи. Цѣлый день стояли они, эти люди, чьей-то жестокой и слѣпой волей брошенные въ чужую страну, блѣдные и истощенные отъ долгихъ лишеній и мукъ, черные отъ пороховою копоти,—стояли они, и молились, и плакали. Русскіе евреи не подходили къ нимъ и не заговаривали съ ними. Закутанные въ талисы и бѣлые саваны, молились и плакали въ свою очередь и они, эти несчастныя жертвы войны, попавшія въ полосу ничего не щадящаго, все истребляющаго мирового пожара. Чуждые другъ-другу, стояли они, и на томъ же